

К числу недостатков послесловия следует прежде всего отнести не совсем четкую характеристику исторического фона эпоса. На стр. 383 авторы говорят, что он «в своей основе может быть охарактеризован как типичный эпос родового строя с яркими пережитками матриархата (образ Сатаны)», а на следующей странице — что в эпосе «более полно и красочно изображены общественные формации, относящиеся, по периодизации Энгельса, к высшей ступени варварства, — родоплеменная формация и в особенности строй военной демократии». Таким образом, в первом случае нартский эпос расширительно связывается с эпохой родового строя в целом, а во втором — с ее поздними периодами: «родоплеменной формацией» (?) и военной демократией. Разумеется, в нартских сказаниях ярче всего отражен строй военной демократии. О том, что авторы послесловия не совсем ясно представляют себе эволюцию родового строя, свидетельствует и то обстоятельство, что частные, по выражению Энгельса¹, военно-дружинные объединения они рассматривают как объединения родовые: народ, говорится в послесловии, видел в Батрадзе «идеал мужчины, война, члена родовой дружины» (стр. 374, разрядка моя, — Я. С.). Сравнивая нартские сказания с гомеровским эпосом, В. И. Абаев и Б. А. Калоев неправильно утверждают, что в гомеровском эпосе, в противоположность эпосу нартскому, «фигурирует институт государства» (стр. 383). Между тем уже Энгельс, специально изучавший общественный строй греков гомеровской эпохи, не раз подчеркивал, что в то время у греков отнюдь не существовало отделенной от народа публичной власти. Цитируя слова Маркса, что *basileia* означает только военную демократию, Энгельс писал о строе гомеровского общества: «Недоставало еще только одного: учреждения, которое не только обеспечивало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, а значит и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатств; не хватало учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущих и господство первого над последними»². Короче говоря, гомеровским грекам не хватало именно государства.

Нельзя не отметить и того факта, что в послесловии слышится отзвук старой концепции В. И. Абаева — трактовки нартвов как «детей Солнца» (стр. 382). Как известно, эта точка зрения широко развита в фундаментальной монографии В. И. Абаева «Нартовский эпос», где нарты рассматриваются как характерные для «солнечной, космической стадии мышления» персонажи древнеосетинской мифологии (от *Naγ* — тае, где *Naγ* — солнце, а тае — осетинский суффикс фамильной принадлежности)³. Здесь, разумеется, не место для критики этой концепции, лишь косвенно отразившейся в послесловии к новому изданию осетинского нартского эпоса. Все же отметим два обстоятельства. Во-первых, вряд ли возможно решить вопрос о происхождении нартвов с позиций лингвистики: так же хорошо, как из осетинского языка, объясняется «нарт», например из абхазского языка («материнский род») ⁴. Во-вторых, нет никаких оснований связывать пиры и пляски нартвов с их «солнечным» происхождением. Общий военодемократический фон эпоса гораздо скорее заставляет видеть в нартских пирах такое же «нормальное» занятие удалых дружинников, как и их военные и охотничьи походы.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы наряду с уже значительным количеством русских литературных обработок осетинских нартских сказаний скорее появилось их сводное академическое издание, рассчитанное на специалистов по фольклору, этнографии и истории народов Кавказа.

Я. Смирнова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Mirko Miličić, *Nepoznata Dalmazija*, Studija o s]oskoj architekturi, Zagreb, 1955.

Далмация — область Югославии, населенная главным образом хорватами. Славянская культура в Далмации имеет древние местные традиции; она оказалась очень устойчивой, несмотря на то, что эта область испытывала сильное влияние соседних неславянских народов.

¹ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 149.

² Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 111.

³ В. Абаев, Нартовский эпос, «Изв. Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. X, вып. 1. Дзауджикау, 1945, стр. 89.

⁴ См. Ш. Д. Ингал-ипа, К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии, Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа, т. XXV, Сухуми, 1954, стр. 270.

Труд Мирко Миличича «Неизвестная Далмация» представляет большой интерес, так как это первая работа, посвященная сельскому жилищу Далмации.

Автор указывает (см. стр. 31), что самобытная славянская архитектура Далмации сложилась в селах, тогда как на развитие городской архитектуры большое влияние оказывали соседние страны (например, Венеция, под властью которой Далматинское побережье было почти четыре столетия).

Мирко Миличич стремится дать характеристику жилища в связи с историческим прошлым Далмации. Исследованию основной темы работы он предпосылает содержательный исторический очерк о дославянском населении Далмации, о греческой и римской колонизации. Рисуется довольно подробная картина жизни иллирийцев — их племенного быта, занятий, образа жизни. Автор подчеркивает, что материальная культура этого дославянского населения оказала большое влияние на культуру, особенно на развитие жилища, пришельцев-славян.

Иллирийцы имели постоянные каменные жилища, представлявшие собой примитивные однокамерные сооружения круглой планировки. Этот тип жилища оказался очень устойчивым и впоследствии был заимствован славянами.

Автор совершенно не признает влияния греческой и римской колонизации на развитие сельского жилища Далмации (см., например, стр. 10).

Характеризуя жилище и поселения Далмации, автор выделяет два типа — один на островах и побережье и другой — во внутренней части Далмации, различия между которыми вызваны географическим положением этих частей.

Очень ценно, что Миличич не просто дает описание того или иного типа поселений, а старается связать их возникновение с определенными историческими и общественными факторами. Так, он считает, что задружный уклад жизни способствовал развитию разбросанного типа села «selo u gaštrku», а племенной — скученного типа «zbiženi tip» (стр. 30). Однако Миличич не всегда последователен в этих вопросах. Так, на стр. 76 мы встречаем утверждение, что хозяйственно-экономические факторы (в отличие от политических) совершенно не влияли на положение островных и прибрежных поселений.

В разделе, посвященном описанию жилища, М. Миличич на конкретном материале показывает, что развитие жилища нельзя рассматривать в отрыве от экономических и географических условий, общественного строя и уровня культурного развития.

Исходным типом развития жилища автор считает бунью (bunja), которая в древности была присуща всем народам Средиземноморья, с небольшими вариантами. Бунья — примитивное однокамерное сооружение круглого плана, с каменными стенами сухой кладки, с небольшим четырехугольным окном и дверью. Характерная черта буньи — круглый план и небольшой метраж. Славяне, пришедшие в конце VI — начале VII в. на Балканский полуостров, переняли этот тип жилища в своих предшественников, но уже в VII—VIII вв. они создали свой самобытный тип жилища, так называемую потлоушницу (potleušica), представляющую собой каменное однокамерное сооружение прямоугольного плана.

В работе много места уделено вопросу о возникновении и выделении кухни, членению дома и выделению отдельных комнат, внутреннему убранству, утвари.

Говоря о современном жилище, автор указывает, что в основном в Далмации распространен единый славянско-адриатический тип дома, хотя имеются и различия, касающиеся, например, расположения лестниц или кухни. Различия между островным и прибрежным типом современного дома автор сводит к следующему: «дом на островах имеет тенденцию к вертикальному развитию (подчеркнуто острые стены строений, симметричное расположение окон); дом приморья имеет тенденцию к горизонтальному развитию ..., а симметрия оконных отверстий встречается там как исключительная редкость» (стр. 106).

Интересен раздел о хозяйственных сооружениях — погребах, мельницах и особенно цистернах для хранения воды, которые имеются на островах в каждом доме. Появление специальных цистерн для воды автор связывает с началом строительства двухэтажных домов.

Работа обильно иллюстрирована photographиями, схематическими рисунками, чертежами и снабжена библиографией.

М. С. Шихарева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Alan Winnington. *Tibet*. London, 1957, 235 стр.

Алан Уиннингтон — первый английский журналист, посетивший Тибет после его мирного освобождения в 1951 г. Автор в составе группы иностранных журналистов летом и осенью 1955 г. проехал от Чэнду через Чамдо, Лхасу, Шигацзе до Паро; рецензируемая книга написана на основе путевых впечатлений.

Книга Уиннингтона состоит из 25 глав и двух приложений (Соглашение о мирных условиях по мирному освобождению Тибета от 23 мая 1951 г. и англо-тибетский договор от 7 сентября 1904 г.). Текст сопровождается хорошо подобранными иллюстрациями.